

Радик Яхин

Встреча с учителем

Радик Сайфетдинович Яхин

Встреча с учителем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73245333

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами – путеводитель по таинственному миру шаманских практик и эзотерических знаний. Книга ведёт читателя через последовательные этапы духовного пути: от первой встречи с наставником до постижения высших состояний сознания.

Вы познакомитесь с ключевыми концепциями шаманизма – «первым» и «вторым вниманием», «точкой сборки», миром духов-помощников – и освоите практические методики: остановку внутреннего диалога, работу с энергией, развитие интуиции и расширение границ восприятия.

На страницах книги раскрываются как светлые, так и тёмные стороны мистического опыта.

В финале читатель получает не только знание, но и вдохновляющий призыв к личностной трансформации и служению высшим целям.

Книга будет полезна тем, кто:

- ищет глубинный смысл жизни;
- стремится расширить границы сознания;
- желает освоить практические техники саморазвития;

– интересуется шаманскими традициями и эзотерическими учениями.

Радик Яхин

Встреча с учителем

Дождь хлестал по стеклам старого автобуса, превращая мексиканскую пустыню за окном в размытую акварель серых и охристых пятен. Маркос прижал лоб к холодному стеклу, наблюдая, как капли стекают по нему, словно слезы. Он бежал. Бежал от офисных стен, от предсказуемости жизни, разложенной по календарным клеточкам, от тихого отчаяния, которое годами копилось где-то под ребрами. В салоне пахло пылью, бензином и влажной одеждой. Пять лет юридической практики в Мадриде растворились в одночасье, оставив после себя лишь чемодан с книгами Карлоса Кастанеды и билет в один конец. Он искал не приключений. Он искал истины. Той самой, о которой писали мистики и которую высмеивала его прежняя жизнь. Автобус дернулся и заглох на подъеме. Водитель, пожилой мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как высохшее русло реки, что-то пробормотал под нос и вышел в дождь. Маркос закрыл глаза. Он уже почти разуверился. Почти. А потом услышал голос.

«Ты идешь не туда, юноша».

Он открыл глаза. На соседнем сидении, которого, как ему казалось, все это время не было занято, сидел старик. Невысокий, сухопарый, одетый в простую темную рубаху и потертые штаны. Но взгляд... Взгляд был не стариковский. Он

был плотным, тяжелым, словно сделанным из полированного обсидиана. В нем плавилась вся мудрость пустыни и вся ее безжалостность.

«Простите?» – только и смог выдавить Маркос.

«Ты ищешь Дона Хуана. Того, из книг. Тебя ведет чужая карта, начертанная чужими чернилами. Но его больше нет. Он ушел из этого мира. Или в него – зависит от точки зрения».

Сердце Маркоса упало, увлекая за собой в пропасть последние надежды. Он потратил все свои сбережения, оборвал связи, приехал на другой край света...

«Однако, – продолжил старик, и в уголках его глаз заплясали искорки, – иногда тот, кто приходит за одним учителем, находит другого. Просто потому, что готов смотреть. Вопрос в том, готов ли ты увидеть то, чего не ждешь?»

Автобус дернулся и снова заурчал мотором. Старик поднялся, как будто невесомый, и двинулся к выходу. На ступеньках он обернулся. «Если твое «да» настоящее, найди красную скалу в форме орлиной головы к востоку от городка. Будь там за час до заката. Один». И растворился в серой пелене дождя, словно его и не было. Водитель, вернувшись на место, спросил у Маркоса, с кем тот разговаривал. В салоне, кроме них, никого не оказалось.

Красную скалу он нашел на третий день. Она действительно походила на голову гордой птицы, впившейся камен-

ным клювом в небеса. Маркос пришел за два часа, его терзали сомнения. А что если это ловушка? Галлюцинация от усталости? Но что-то глубинное, древнее, затаившееся в его клетках, тянуло его к этому месту. Воздух здесь был иным – густым, напоенным запахом полыни и нагретого камня. За час до заката солнце, висящее над горизонтом, окрасило пустыню в кроваво-золотые тона. Вдруг, без единого звука, из-за скалы вышел тот самый старик. Он не приближался, просто стоял и смотрел. И Маркос понял, что его разглядывают. Не глазами, а чем-то иным, пронизывающим насквозь, видящим каждый страх, каждую тайную мысль.

«Ты пришел, – сказал старик. – Значит, сомнения проиграли. Пока что. Зови меня Тлалок. Не имя, но звук, который ты можешь вынести».

Тлалок повернулся и пошел, не оглядываясь. Маркос, спотыкаясь, последовал за ним. Они шли по извилистой тропе между кактусами, и с каждым шагом привычный мир будто отступал, стирался. Звуки городка за спиной замолкли, осталось лишь шуршание песка под ногами да редкие крики ночных птиц. Они пришли к низкому глинобитному дому, сливавшемуся со склоном холма. Внутри пахло сушеными травами, землей и чем-то неуловимо древним. В центре единственной комнаты тлел очаг.

«Садись. Ты здесь не для того, чтобы получать ответы. Ты здесь для того, чтобы научиться слышать вопросы, которые прячутся у тебя внутри. Вопросы, которые жгут изнанку тво-

ей души».

Тлалок сел напротив, его лицо в свете огня казалось вырезанным из самого камня времени. «Ты думаешь, что ищешь знания. Но на самом деле ты бежишь от себя. От того Маркоса, который удобно устроился в клетке с золотыми прутьями. Но побег – это еще не свобода. Свобода начинается здесь». Он тихо постучал пальцем по собственной груди. «И первая цена за нее – отказ от всего, что ты о себе знаешь. Готов ли ты заплатить?»

Маркос почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это был не риторический вопрос. Это был выбор, расстилающийся перед ним, как два разных пути в темноте. Он кивнул, слова застряли в горле.

«Хорошо, – сказал Тлалок. – Тогда начинается твое ученичество. Забудь все, что читал. Забудь все слова. Теперь твоим языком станет молчание, а буквами – твое внимание».

Ночь опустилась на пустыню, густая и бархатная, усыпанная бриллиантами звезд. Тлалок не предложил ни еды, ни питья. Он сидел неподвижно, его дыхание стало едва слышным, почти несуществующим. Маркос пытался сидеть так же, но его тело ныло, ум метались от мысли к мысли. Он ждал магии, видений, откровений. А получил лишь жесткую земляную полку под собой и тягучее, ползучее время.

«Встань», – раздался голос, заставив Маркоса вздрогнуть. Тлалок уже стоял у входа. Он вышел, и Маркос последовал за

ним. Они поднялись на плоскую вершину соседнего холма. Здесь ветер гулял свободно, сметая остатки дневного жара. Тлалок развел небольшую кучку сухих веток и, не используя спичек, провел над ней рукой. Огонь вспыхнул мгновенно, ярко и бездымно.

«Это не магия, – сказал он, словно читая мысли. – Это разговор. Я попросил, и огонь ответил. Вся вселенная – это разговор. Но вы, люди вашего мира, разучились слушать. Вы только кричите своими мыслями, заглушая все остальное».

Он достал из складок одежды маленький мешочек, высыпал в ладонь горсть измельченных сухих листьев и, прошептав что-то на языке, которого Маркос никогда не слышал, бросил их в огонь. Пламя вспыхнуло зеленым, затем синим, и воздух наполнился сладковато-горьким, дурманящим ароматом.

«Это не для тебя. Это для них. Для тех, кто здесь. Я представляю тебя духам этого места. Ты – гость. Чужак. Они должны решить, принять тебя или нет».

Маркос почувствовал, как воздух вокруг сгустился. Казалось, из темноты на него смотрят сотни незримых глаз. По телу пробежали мурашки, волосы встали дыбом. Страх, древний и животный, сжал его горло. Он хотел бежать, но ноги словно вросли в землю.

«Стой, – тихо сказал Тлалок. – Страх – это страж у ворот нового мира. Если ты побежишь, он навсегда закроет их перед тобой. Дыши. Просто дыши и смотри».

Маркос заставил себя сделать вдох. Он смотрел в темноту за кругом света от костра, и постепенно чувство панического ужаса стало отступать, сменившись странным, леденящим благоговением. Он ничего не видел, но знал – они здесь. И они наблюдают. Ветер стих. Тишина стала осязаемой, звонкой.

«Они позволяют тебе остаться, – наконец произнес Тлалок. Его голос прозвучал громко в этой абсолютной тишине. – Пока. Ты любопытен для них. Но твое пребывание здесь зависит от твоей чистоты намерения. Одна ложь – перед собой или другими – и они изгонят тебя. А путь назад будет утерян».

Он пнул костер ногой, разбрасывая угли. Пламя погасло мгновенно. «На сегодня достаточно. Спи. Но спи чутко. Сны в этом месте – тоже часть разговора».

Первые дни у Тлалока не были наполнены тайными учениями или мистическими практиками. Они были наполнены трудом. Бессмысленным, изнурительным, монотонным трудом. Маркос должен был переносить камни с одного места на другое, а затем обратно. Копать ямы, чтобы закопать их снова. Подметать и без того чистый земляной пол. При этом Тлалок почти не разговаривал с ним. Он лишь наблюдал. Его взгляд, все тот же тяжелый и пронизательный, постоянно был ощутим на спине Маркоса.

Раздражение копилось. Маркос приехал за знанием, за си-

лой, за открытием тайн вселенной! А он стал бесплатной рабочей силой. На пятый день терпение лопнуло.

«Для чего все это?» – вырвалось у него, когда он в очередной раз тащил тяжелый камень. «Я пришел учиться, а не заниматься бессмысленной работой!»

Тлалок, сидевший в тени и плевший из тростника странную фигуру, даже не поднял глаз. «Ты учишься. Просто ты слишком глуп, чтобы это заметить. Ты полон собой. Своими ожиданиями, своими представлениями о том, как все должно быть. Как бурдюк, полный мутной воды. Чтобы наполнить его чистой, нужно сначала опустошить. Твоя работа – это тряска. Камень, который ты носишь, – это твое эго. Яма, которую ты копаешь, – это твое нетерпение. И пока ты не устанешь, пока твои руки не заболят, а ум не онемееет от бессмысленности, ты не опустошишься. А пока ты полон, для истинного знания нет места».

Слова ударили, как пощечина. Но не обидели. Они пронзили шум мыслей и попали прямо в цель. Маркос замолчал. Он посмотрел на камень в своих руках. Просто камень. Шершавый, тяжелый, бесполезный. И вдруг в этой его абсолютной, завершенной бесполезности была странная истина. Он продолжил работу. Но теперь делал это иначе. Без мыслей о цели. Без ожидания окончания. Просто поднимал и нес. Копал землю. Чувствовал, как мышцы горят, а пот застилает глаза. И постепенно, очень постепенно, внутренний монолог – этот бесконечный спор с самим собой, планирование,

оценка, критика – начал стихать. Осталось лишь действие. Дыхание. Жжение в мышцах. И невероятная, оглушительная тишина внутри.

Вечером, когда солнце уже касалось горизонта, Тлалок подошел к нему. «Сегодня ты сделал первый шаг. Ты на мгновение перестал быть Маркосом, юристом из Мадрида, искателем приключений. Ты стал просто человеком, который носит камень. Это и есть начало. Основа всего. Быть здесь. Сейчас. Без прошлого, без будущего. Это и есть дверь».

Он впервые протянул Маркосу чашку с водой. Простой глиняный сосуд. Вода в ней была прохладной и имела вкус самой пустыни. Для Маркоса это был самый сладкий напиток, который он когда-либо пробовал.

Прошло несколько недель. Работа, молчание, простое присутствие. Маркос научился различать малейшие оттенки заката, понимать язык ветра, предсказывая приближение редких дождей. Его прежняя жизнь стала сном, туманным и далеким. Однажды вечером Тлалок не дал ему задания. Вместо этого он поставил между ними маленькую ступку из темного камня.

«Ты опустошил свой сосуд достаточно, чтобы попробовать сделать первый глоток из источника, – сказал он. Его голос был серьезен, без привычной насмешливой нотки. – Но источник этот – не игрушка. Он древний, могучий и без-

жалостный. Он показывает истину. А истина не всегда бывает красивой».

В ступке лежало несколько сухих, серо-зеленых кусочков кактуса. Пейот. Тлалок начал медленно растирать их пестиком, напевая под нос монотонную, гипнотическую мелодию. Воздух наполнился горьким, терпким запахом.

«Это не наркотик для бегства от реальности, – говорил Тлалок, не прекращая растирать. – Это ключ. Ключ, который открывает дверь внутри тебя. Дверь в твое второе внимание. Но за этой дверью – не райские сады. Там – ты. Весь. Со всеми твоими светами и тенями. Духи растения – не слуги. Они – проводники. И они ведут только тех, кто имеет мужество смотреть».

Он смешал растертое вещество с небольшим количеством воды, превратив в густую пасту, и скатал из нее два шарика.

«Один для тебя. Один для меня. Я пойду с тобой в начале пути. Но только как наблюдатель. Твое путешествие будет твоим собственным».

Маркос взял предложенный шарик. Он был влажным и холодным. Сердце бешено колотилось. Страх и предвкушение смешались в нем в один клубок.

«Не борись, – наставил Тлалок. – Просто иди. Смотри. И помни – все, что ты увидишь, является частью тебя. Даже самое ужасное».

Он положил шарик в рот. Вкус был отвратительным, невыразимо горьким, вызывающим рвотный рефлекс. Мар-

кос с усилием проглотил. Тлалок сделал то же самое, затем сел напротив, скрестив ноги, и уставился в пространство перед собой. Его дыхание замедлилось, глаза стали стеклянными, неподвижными.

Сначала ничего не происходило. Прошло полчаса. Маркос уже начал думать, что все это просто психологический тест. И вдруг краски мира стали невыносимо яркими. Каждая песчинка на полу заискрилась, отбрасывая четкую, режущую глаз тень. Звуки – скрип сверчка, шорох ящерицы – разрослись, заполнили все пространство, превратились в симфонию. Потом стены хижины поплыли, расплылись, как акварель в воде. Он почувствовал, как его тело растворяется, становясь частью этой пульсирующей, дышащей вселенной. Страх попытался поднять голову, но его смыла волна изумления, благоговения перед невероятной сложностью и красотой бытия. Он видел нити света, связывающие все со всем. Видел, как дыхание Тлалока переплетается с ритмом пустыни. А потом видения сменились. Он увидел себя. Маленького, испуганного мальчика, которого дразнили в школе. Увидел себя в своем первом суде, тщеславного и напыщенного. Увидел боль, которую причинил своим уходом родителям. Все его поступки, все мысли, все страхи и мелкие подлости всплыли на поверхность, предстали перед ним в кричащем свете. Это было мучительно. Он хотел закрыть глаза, отвернуться, но не мог. Ему пришлось смотреть. Принимать. И в самом сердце этого вихря из образов и эмоций вдруг

возникло тихое, спокойное пространство. Наблюдатель. Тот, кто видел все это, но не был этим. Не был ни Маркосом-юристом, ни Маркосом-мальчиком, ни даже Маркосом-учеником. Он просто был. Чистым, незамутненным сознанием. И в этот миг он понял, что такое «видеть». Не глазами. А всем своим существом. Путешествие длилось вечность и мгновение одновременно. Когда он вернулся, вернулось и его тело, тяжелое, потное, дрожащее. На дворе был уже рассвет. Тлалок сидел на том же месте, смотрел на него своими черными глазами.

«Итак, – сказал он тихо. – Теперь ты знаешь дорогу к двери. И знаешь, что за ней. Первый урок пейота завершен. Теперь настоящая работа начинается». Маркос не мог говорить. Он мог только плакать. Тихими, очищающими слезами, смывавшими остатки того человека, каким он был вчера.

Следующие несколько дней Маркос приходил в себя. Мир казался приглушенным, блеклым после той невероятной насыщенной видений. Тлалок оставил его в покое, лишь изредка подкладывая рядом плоские лепешки из кукурузы и глиняный кувшин с водой. Силы возвращались медленно, а вместе с ними возвращалось и осмысление пережитого. Это не был сон и не галлюцинация в обычном понимании. Это было путешествие в иную плотность бытия, где мысль и чувство имели цвет и форму. Однажды вечером Тлалок нарушил молчание. «Теперь ты знаешь вкус одного из ключей.

Их много – растений силы. Каждое открывает свою дверь, показывает свой аспект мира. Пейот – это корень, связь с землей, с сердцем, с мужеством. Он суров и прям. Другие... иные. Некоторые учат видеть связи между вещами, другие – путешествовать в мире снов, третьи – говорить с духами стихий. Но все они – лишь инструменты. Молоток не построит дом за тебя. Он лишь помогает руке. Заблуждение – думать, что сила в растении. Сила – в твоём намерении. Растение лишь обостряет твоё восприятие настолько, что ты можешь это намерение ощутить и направить».

Он показал на скромный садик за хужиной, где росли неприметные кусты и травы. «Здесь – мои инструменты. Но я редко пользуюсь ими теперь. Когда ты научишься сдвигать свою точку сборки по собственной воле, необходимость в них отпадает. Они – костыли для того, кто ещё не научился ходить. Но чтобы научиться ходить, иногда нужно сначала поползти». Маркос смотрел на эти растения с новым пониманием – уже не как на диковинные наркотики, а как на древних союзников, хранящих знание. «А... это опасно?» – спросил он. Тлалок рассмеялся, и смех его звучал как треск сухих веток. «Опасно? Жизнь опасна. Дышать – опасно. Любить – опасно. Да, это опасно. Ты можешь заблудиться в лабиринтах собственного разума, принять иллюзии за истину, сломаться, увидев тени, к которым не готов. Некоторые так и не возвращаются. Их «я» растворяется, как соль в воде. Но без риска нет пути. Воин знает об опасности и все равно

идет, потому что дорога – это и есть цель. Его защита – не в избегании риска, а в безупречности его духа и ясности его намерения».

Учения стали вплетаться в повседневность. Теперь, выполняя монотонную работу, Маркос слушал голос Тлалока, звучащий тихо и размеренно. «То, что люди называют реальностью, – это лишь соглашение. Договор. Вы с рождения учитесь выделять из бесконечного потока энергии определенные сигналы: твердое, мягкое, горячее, холодное, мать, отец, дом. Вы фокусируетесь на них, и они становятся плотными, привычными. Это твое первое внимание. Оно необходимо, чтобы функционировать в мире людей. Но это лишь узкая щель в стене. По обе стороны от нее – бескрайние просторы». Тлалок взял горсть песка и просеял его сквозь пальцы. «Первый мир – мир описания. Ты описал себя как Маркоса, юриста, испанца, мужчину. Ты описал этот камень как тяжелый, шершавый, бесполезный. И теперь ты живешь внутри этих описаний, как в клетке. Ты не видишь энергию камня, его историю, его связь со звездами, что родили его прах. Ты видишь лишь «камень». Первое внимание – это фильтр. Оно дает стабильность, но забирает целостность». Маркос перестал носить камень. Он просто смотрел на него. И пытался увидеть не «камень», а просто явление, форму энергии. Это было невероятно сложно. Мгновенно в голове возникали ярлыки, сравнения, воспоминания. Его ум, его первое внимание, цепко держало мир в привычных рамках.

«Не борись с ним, – советовал Тлалок. – Наблюдай за ним. Увидь его как охранника у ворот. Поблагодари его за службу. И тогда, возможно, оно позволит тебе иногда выглянуть за пределы».

Однажды ночью, во время практики молчаливого сидения под звездами, с Маркосом случилось нечто. Он не принимал никаких растений, просто долго и упорно пытался остановить внутренний диалог, наблюдая за дыханием. И вдруг звезды перестали быть просто точками света. Они начали пульсировать, и от них потянулись тончайшие серебристые нити, связывающие их друг с другом, с ним, с пустыней, с Тлалоком, спавшим неподалеку. Мир превратился в сверкающую, вибрирующую паутину света. Он почувствовал, как по этим нитям течет сила – теплое, живое течение. Это длилось всего несколько сердечных ударов, но впечатление было ошеломляющим. Наутро он рассказал об этом Тлалоку. Старик кивнул, довольный. «Ты коснулся второго внимания. Мира энергий, связей, сути. Ты увидел не описание звезды, а саму звезду как сгусток намерения. Второе внимание – это восприятие мира без фильтра описания. Это видение энергии как она есть». Он помолчал. «Но это опасно. Первое внимание стабилизирует. Второе – текуче, изменчиво, безумно. Погрузиться в него надолго без подготовки – значит потерять связь с обычным миром, сойти с ума в глазах людей. Задача война – научиться удерживать оба внимания, скользить между ними, как рыба между водой и воздухом. Видеть

мир камня и одновременно мир энергии камня». С этого дня упражнения изменились. Теперь Маркос учился не просто опустошать ум, а мягко смещать фокус. Смотреть на руку и видеть не просто руку, а свечение, ауру, поток. Сначала это были лишь смутные догадки, потом – краткие вспышки ясности. Второе внимание было диким, пугающим и невероятно красивым. Оно требовало огромной концентрации и смирения, ибо ум сразу же хотел описать увиденное, втиснуть в старые рамки, и видение исчезало.

В хижине Тлалока жила старая, слепая собака по имени Койот. Маркос почти не обращал на нее внимания. Пока однажды, войдя в состояние тихого, расфокусированного наблюдения, он не увидел ее истинный облик. Это был не призрак и не видение. Это было знание, пришедшее из второго внимания. Вместо дряхлого пса он ощутил мудрое, древнее, терпеливое присутствие. Существо, которое было частью этого места гораздо дольше, чем любая человеческая жизнь. «Ты заметил, – сказал Тлалок, появившись как будто из ниоткуда. – Койот – мой союзник. Не дух в твоём понимании, а осознание, воплотившееся в этой форме. Он хранит этот дом, предупреждает о посетителях – тех, кто приходит из других миров. Он же помогает мне в путешествиях». Маркос смотрел на собаку, которая, казалось, смотрела прямо в его душу своими мутными глазами. «Духи-помощники – это не слуги. Это союзники. Вы находите друг друга, потому что ваши намерения резонируют. С некоторыми

можно говорить через растения силы, с другими – во снах, с третьими – в состоянии повышенного осознания. Они учат, защищают, но требуют уважения. Их мир старше и сложнее нашего. Они видят насквозь. Обмануть их нельзя. Предать – значит навлечь на себя не гнев, а одиночество. А в этих мирах одиночество губительно». Позже Маркос пытался установить контакт с Койотом, просто сидя рядом и удерживая состояние тихого, открытого внимания. Он не слышал слов, но иногда в его разум приходили образы, ощущения, запахи – предупреждение о приближении змеи, воспоминание о давно забытом дожде, чувство глубокого покоя. Это был диалог без языка, более прямой и честный, чем любая человеческая беседа.

Самое сложное учение началось с простой аналогии. Глазок принес мягкий комок светлой глины и воткнул в него сотню иголок с разных сторон. «Это твое энергетическое тело, – сказал он. – Бесконечное число энергетических волокон, исходящих во все стороны». Затем он взял маленький золотистый шарик и наколол его на иголки в самом центре комка. «Это точка, где фокусируется твое восприятие. Твоя точка сборки. В обычном состоянии она жестко зафиксирована обществом, воспитанием, привычками. Она собирает, «считывает» только определенный набор энергетических волокон – те, что соответствуют миру первого внимания. Ты видишь мир людей, предметов, логики». Затем он сдвинул шарик чуть в сторону. Иголки, на которых он теперь дер-

жался, были другими. «Если точку сборки сдвинуть – хоть на миллиметр – начинает считываться иной набор волокон. Возникают иные миры, иные реальности. То, что ты называешь сном, галлюцинацией, мистическим опытом – это сдвиг точки сборки. Растения силы насильно сдвигают ее. Задача воина – научиться сдвигать ее по собственной воле. Силой дыхания, взгляда, намерения». Маркос был очарован. Эта модель объясняла все. Его опыт с пейотом, вспышки второго внимания. «А где... где моя точка сборки сейчас?» Тлалок посмотрел на него так, как смотрят на ребенка, задавшего гениальный и наивный вопрос. «Ощути ее. Не умом. Чувством. Она – место твоего молчания, твоего внутреннего безмолвного наблюдателя. Она там, откуда ты по-настоящему смотришь». Упражнения стали тоньше и сложнее. Теперь Маркос, сидя в медитации, пытался не думать о точке сборки, а ощутить ее как центр тяжести своего осознания, а затем – мысленно, едва заметным усилием, попытаться сместить этот центр. Первые попытки были тщетны. Потом приходили странные состояния: дежавю, кратковременная потеря ощущения тела, вспышки беспричинной радости или печали. Тлалок объяснял: «Это она дрогнула. Всего на волосок. Продолжай. Цель – не уйти в другие миры, а обрести свободу. Свободу видеть мир не как данность, а как бесконечный выбор интерпретаций».

Уверенность – опасная штука. После первых успехов в

glimpsax второго внимания Маркос начал чувствовать, что что-то понимает. Эта иллюзия разбилась в одну темную, безлунную ночь. Тлалок велел ему отнести связку лечебных трав старой женщине в соседней деревне, строго наказав вернуться до полуночи и идти только по старой тропе, не срезая путь через каньон. Задание казалось простым. Маркос выполнил поручение, но задержался, слушая истории старухи. Осознав, как поздно, он побежал назад. Мысль о долгой дороге по тропе показалась неразумной. Каньон был ближе. Он знал, что Тлалок запретил это, но внутренний голос (который позже он узнает как голос чувства собственной важности) шептал: «Ты уже не новичок. Ты можешь. Сэкономь время». Он свернул в каньон. Первые минуты все было хорошо. И тогда на него накатил страх. Не обычная боязнь темноты, а нечто плотное, удушающее, животное. Воздух стал ледяным, хотя ночь была теплой. Тени ожили, начали шевелиться на периферии зрения. Каждое шуршание камня под ногой звучало как шаг за спиной. Его сердце колотилось, разум цепенел. Он бежал, спотыкаясь, охваченный паникой. Ему казалось, что из темноты протягиваются руки, что его преследует нечто бесформенное и голодное. Он выбежал из каньона, задыхаясь, весь в ссадинах, и рухнул у порога хижины. Тлалок сидел у огня, лицо его было непроницаемо. «Ты встретил своего первого противника. Не чудовище в каньоне. Страх. Он живет в тебе. И ты, своим непослушанием и тщеславием, сам открыл ему дверь». Старик подлил воды

в чашку. «Страх – страж. Он охраняет границы твоего маленького, знакомого мирка. И когда ты пытаешься выйти за них, он атакует. Он будет твоим постоянным спутником. Победить его нельзя. Но можно сделать своим союзником. Его энергия – та же энергия, что дает силу для прыжка, для бега, для борьбы. Воин не отрицает страх. Он чувствует его, признает и все равно делает то, что должно. Страх становится знаком, что ты на правильном пути, что ты растешь». Маркос пил воду, и дрожь в руках постепенно утихала. Унижение и стыд жгли сильнее, чем страх. Он понял, что путь состоит не только из озарений, но и из падений. И что первое, с чем надо сражаться, – это собственная глупость.

После случая в каньоне Тлалок ужесточил практику. Теперь каждое утро начиналось с «созерцания страха». Маркос должен был садиться в уединенном месте, закрывать глаза и вызывать в памяти самые сильные страхи: страх неудачи, страх боли, страх безумия, страх смерти. Не гнать их, а впускать, разглядывать, ощущать их вкус и текстуру в своем теле. Это была пытка. Но постепенно произошло невероятное: страх начал терять свою власть. Он не исчез, но перестал быть хозяином. Он стал просто энергией, погодным явлением в его внутреннем мире. Вместе с этим пришла новая ясность. Однажды, практикуя молчание ума, Маркос вдруг четко увидел, как маленькая ящерица, греющаяся на камне, не просто сидит, а излучает слабое теплое свечение. Он видел не ауру, а саму ее жизненную силу. Позже, глядя на

Тлалока, он уловил мгновенное изменение в свечении старика – легкое мерцание, когда тот о чем-то думал. Это было прямое знание, не опосредованное мыслями. «Ясность видения – это способность воспринимать намерение, – объяснял Тлалок. – Ты видишь не форму, а силу, которая эту форму создает и удерживает. Видишь ложь в человеке по искажению его энергетического поля. Видишь болезнь, прежде чем она проявится в теле. Видишь страх другого как сгусток темной, липкой энергии. Это видение – основа искусства stalkera (сталкинга). Видеть истинную суть, скрытую за маской мира описания». Теперь мир для Маркоса стал прозрачнее и в то же время бесконечно сложнее. Он начал замечать, как его собственные эмоции окрашивают его энергетическое поле, как мысли притягивают определенные события. Ясность была безжалостной. Она показывала его самого без прикрас.

С ясностью пришло и искушение. Однажды в ближайшем поселке Маркос стал свидетелем ссоры. Двое мужчин спорили из-за козы. И Маркос, глядя на них, ясно увидел, как их гнев, подпитываемый алкоголем, создает между ними клубящуюся, темно-красную энергетическую воронку. И у него возникла мысль. А что, если... вмешаться? Слегка сдвинуть точку сборки одного из них, послать импульс усталости или сомнения? Он сосредоточился на более агрессивном мужчине, представил, как направляет в него поток холодного спокойствия. И мужчина вдруг замолчал, потер виски, махнул рукой и ушел. Второй остался в недоумении с козой. Маркос

почувствовал головокружение и странное, щекочущее душу возбуждение. Он рассказал об этом Тлалоку, ожидая похвалы. Но старик нахмурился. Его взгляд стал острым, как нож. «Ты потянулся за ядовитой конфетой. Властью. Самым опасным искушением на пути. Ты использовал знание для манипуляции, для игры в бога. Ты нарушил равновесие». Тлалок встал, и в его небольшой фигуре вдруг почудилась угрожающая мощь. «Сила приходит не для того, чтобы править. Она приходит как ответственность. Как способность служить целому. Ты вмешался в чужую судьбу, в чужой урок, потому что тебе показалось, что ты знаешь лучше. Это гордыня. Семья диаблеро – черного мага. Они используют силу для контроля, для насыщения своего эго. И в конце концов сила пожирает их, потому что питается она только чистым намерением, а не тщеславием». Маркос почувствовал ледяной ужас. «Что мне делать?» «Запомни этот вкус – вкус власти над другим. И дай себе слово никогда не тянуться к нему снова. Истинная сила – это власть над собой. Все остальное – иллюзия, ведущая в пропасть. Исправлять ничего не надо. Последствия твоего вмешательства уже идут своей дорогой. Просто наблюдай и учись». Этот урок оказался горше всех предыдущих. Маркос понял, что путь воина – это не путь сверхчеловека, а путь величайшей дисциплины и этики. Искушение властью будет возвращаться снова и снова, принимая разные обличья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.